

Старый, обшарпанный лестничный пролёт тонул в темноте — лишь скудный лунный свет, пробивавшийся сквозь окно на лестничной клетке, позволял хоть немного разобрать дорогу под ногами.

Сбивчивое, полное паники эхо шагов отскакивало от стен: казалось, будто кто-то бежит прямо перед ними, а порой — что кто-то преследует их по пятам.

Тан Дахай тяжело дышал, опираясь на перила для ускорения. Его грузное тело с удивительной для таких габаритов прытью преодолело три ступени разом, и он приземлился на площадку. Из-за бешеного темпа в груди начало давить, а в горле появился отчетливый привкус железа. Но лестница, казалось, не имела конца, уходя бесконечно вниз.

Наконец, выдохшись, он остановился и окликнул того, кто был впереди:

— А-Ци... Фух... на каком мы этаже? Мы же были на восьмом, почему мне кажется, что мы спустились уже на целую вечность?

Идущий впереди остановился. Он был измотан не меньше: его даосское одеяние насквозь пропиталось потом, а лицо сияло от влаги, из-за чего грим на висках начал плыть.

Ци Цзэ утер пот и, тяжело дыша, ответил:

— Не знаю. У меня тоже такое чувство, будто мы пробежали уже не один этаж.

Толстяк Тан выудил телефон и включил фонарик. Лишь теперь они заметили, что стены лестничной клетки были покрыты копотью, словно здесь когда-то бушевал страшный пожар, поглотивший всё вокруг и обжегший даже таблички с номерами этажей до полной нечитаемости.

— Подожди, А-Ци, сейчас посмотрю, какой это этаж, — сказал Толстяк Тан и поднес телефон поближе к стене. Увидев цифру восемь, он так испугался, что телефон выпал из рук. Аппарат упал экраном вниз, и его яркий свет осветил добрую половину лестничной площадки.

Они переглянулись, и в глазах каждого читался неподдельный ужас.

Призрачная стена?

Толстяк Тан беззвучно прошептал это губами.

Ци Цзэ помедлил и едва заметно кивнул.

Они заперты на восьмом этаже.

Тан Дахай похлопал себя по лбу и пробормотал: Слишком часто ходишь по ночным дорогам — рано или поздно встретишь призрака. Древние не лгали.

— Не бойся, мы же не сделали ничего плохого, — попытался успокоить его Ци Цзэ.

Тан Дахай вздохнул:

— И то верно. Мы лишь немного обманывали людей ради денег... Знал бы, не брался за этот заказ.

Пока он жаловался, Тан Дахай вдруг почувствовал, как ему на плечо легла чья-то рука. Решив, что это Ци Цзэ пытается его приободрить, он почувствовал себя спокойнее — в конце концов, рядом верный напарник.

Он накрыл эту руку своей:

— А-Ци, чего у тебя рука такая ледяная?

Ци Цзэ, стоявший у окна и вглядывавшийся в темноту снаружи, обернулся:

— А?

В этот момент они находились в нескольких шагах друг от друга, поэтому рука на плече Тан Дахая никак не могла принадлежать ему.

До Толстяка Тана дошло не сразу. Он медленно, с хрустом в шее повернул голову и встретился взглядом с чужим лицом.

— А-а-а-а-а!!!

Вопль Толстяка Тана пронзил небеса. Ци Цзэ от неожиданности подпрыгнул, а затем увидел, как Толстяк, продолжая визжать, сжал кулаки и со всей силы врезал незнакомцу.

Тот глухо охнул и рухнул на пол.

— Толстяк! — Ци Цзэ поспешил к нему и, заглянув в лицо поверженному, узнал Мэн Минцзе, в которого вселился У Цзин.

Хотя Тан Дахай и не обладал реальными навыками экзорцизма, но габариты давали о себе знать. К тому же в детстве, защищая Ци Цзэ, он несколько лет занимался саньда. Пусть он был упитанным, силы ему было не занимать, а удар, нанесенный в состоянии предельного ужаса, и вовсе оказался сокрушительным. К счастью, в этом теле находился У Цзин, а если бы это был настоящий Мэн Минцзе, он бы в лучшем случае остался инвалидом.

— Ты в порядке? — Ци Цзэ присел рядом, обеспокоенно глядя на него.

У Цзин некоторое время лежал на полу, хлопая глазами, и его взгляд был расфокусирован. Наконец он сфокусировался на Ци Цзэ.

Ци Цзэ по-прежнему выглядел как мужчина средних лет, но его глаза были удивительно хороши: глубокого, чистого черного цвета. Когда он смотрел на человека, возникала иллюзия, будто весь мир для него сосредоточен только в этом человеке.

Странно, как такие глаза не вяжутся с этой внешностью, подумал У Цзин.

Впервые увидев свою Цель захвата, он не то чтобы разочаровался, но люди по своей природе падки на внешность, и мужчина средних лет не вызывал у него никакого интереса. Однако, встретившись с этим взглядом, У Цзин внезапно подумал, что этот человек стал казаться ему куда приятнее.

У Цзин так долго смотрел на Ци Цзэ, что Толстяк Тан не выдержал и нервно спросил:

— Он что, от моего удара оступел?

Вот черт, сколько же теперь придется платить за лечение!

У Цзин пришел в себя и замахал руками:

— Нет, нет, всё в порядке. Прошу прощения, что напугал вас, господин Тан.

Услышав извинения от того, кого он сам же и избил, Тан Дахай занервничал еще больше. Потирая нос, он забормotal:

— Нет, что вы, это мне стоит извиниться. Я не разглядел, что это вы, и ударил...

— Да ничего страшного, я крепкий.

Разговорившись, они выяснили, что после того, как наши герои бросились наутек, остальные замерли в оцепенении на несколько секунд, а потом в панике разбежались в разные стороны,

потеряв друг друга из виду.

Троица — один полуприсевший, один сидящий, один стоящий — помолчала некоторое время, пока Толстяк Тан не нарушил тишину:

— Может, поднимемся наверх? Торчать здесь, на лестнице, — не выход, убежать мы всё равно не можем.

Ци Цзэ кивнул:

— Согласен. Заодно поищем остальных, вместе будет спокойнее.

— Именно! Раз мы все вместе вошли, то и выйти должны вместе, мы же не люди без чести! — с пафосом заявил Толстяк Тан.

У Цзин дернул глазом.

Интересно, кто это из нас только что бежал быстрее всех?

— Брат Мэн, а ты что думаешь? — внезапно спросил его Толстяк Тан.

У Цзин принял серьезный вид:

— Ваши слова имеют смысл, старшие братья.

Троица быстро пришла к согласию и решила вернуться на восьмой этаж, чтобы найти выход и остальных.

Когда они вернулись, лампы в коридоре восьмого этажа снова горели, но мигали, как при нестабильном напряжении. Этот то вспыхивающий, то гаснущий свет пугал даже больше, чем абсолютная темнота: кто знает, не появится ли рядом с тобой кто-то новый в тот миг, когда лампа в очередной раз погаснет?

Предметы для проведения ритуала, оставленные у лифта, валялись на полу, подсвечники были опрокинуты и потушены — видимо, другие разбежались в такой спешке, что посбивали всё на пути.

Вдруг подул ветер, и бумажные деньги для подношений закружились в воздухе.

— Почему окно... снова открыто? — голос Толстяка Тана дрожал.

Когда остальные убегали, у них явно не было времени на открывание окон. А если это были не они, то кто?

— Не обращай внимания, — тихо сказал Ци Цзэ.

Они попытались вызвать лифт, но стоило нажать кнопку, как тот показал, что находится на минус втором этаже, и на табло загорелась надпись Полная загрузка.

Лифт, рассчитанный на восемь человек, в жилом комплексе, где почти никто не живет, среди ночи — и полный?

Тан Дахай похолодел от ужаса и потянул Ци Цзэ за собой:

— Не поедem на лифте, а вдруг случится то же, что в прошлый раз?

Ци Цзэ кивнул, соглашаясь с ним.

— И как нам теперь выбраться?

— Давайте подождем рассвета, — неожиданно сказал У Цзин, указывая в сторону коридора. — Помню, там есть квартиры, где никто не живет, и двери не заперты. Можно переждать там.

Лестница перекрыта Призрачной стеной, на лифт садиться страшно — выбора, похоже, не было, кроме как оставаться здесь и ждать.

Поколебавшись, они согласились с предложением У Цзина.

В этот момент лампы перестали мигать, и холодный свет залил коридор, разогнав тьму и страх в сердцах.

Толстяк Тан облегченно вздохнул. Несмотря на страх, он продолжал идти впереди, прикрывая Ци Цзэ своим телом — это была естественная реакция, выработанная годами.

На восьмом этаже было четыре квартиры. Они попробовали дернуть несколько дверей, но те не поддались — похоже, были заперты.

Когда они уже собрались переходить к следующей, Толстяк Тан внезапно указал вперед:

— Это Чжао Янь и остальные!

Ци Цзэ поднял глаза и увидел Чжао Янь, Сюань Сяо и третьего члена их группы. Они тоже сбились в кучку и, опасливо оглядываясь, толкнули одну из дверей неподалеку и вошли внутрь.

— Чжао Янь! — крикнул Толстяк Тан, но его зычный голос почему-то не привлек их внимания, словно они его вообще не слышали.

— Странно, зачем они туда пошли? — Ци Цзэ нахмурился, в глазах читалось недоумение.

— Неважно, идем за ними, — сказал Толстяк Тан.

— Хорошо.

Они ускорили шаг и подошли к двери, в которую вошли те трое. Она была приоткрыта. Стоило слегка нажать, как старая дверь со скрипом поддалась, и этот звук эхом разнесся по необычайно тихой квартире.

Толстяк Тан вошел первым, Ци Цзэ — следом, У Цзин замыкал группу.

Внутри не горел свет. Толстяк Тан посветил фонариком, выхватывая очертания обстановки, но той троицы, что вошла перед ними, нигде не было.

— Где они? Они же только что зашли! — пробормотал Толстяк Тан и, нащупав выключатель на стене, щелкнул им. В комнате стало светло.

Гостиная не могла похвастаться роскошью, но была обставлена уютно и по-домашнему. На стенах висели грамоты и бумажные цветы, белый диван был безупречно чист.

— Здесь точно кто-то живет, — осмотревшись, сказал Ци Цзэ.

— Тем лучше, помогут нам выбраться. А-Ци, отдохни здесь, а я проверю комнаты, — сказал Тан Дахай и решительно направился вглубь квартиры.

Ци Цзэ вздохнул про себя: только бы это были не призраки...

— Система, лети за Толстяком, обеспечь его безопасность, — мысленно приказал Ци Цзэ.

101 высунул голову голубя: — Хозяин, мне страшно...

— М?

Система тут же переменялась в лице, выпятила грудь и заявила: — Без проблем, предоставьте это мне!

Сказав это, она захлопала крыльями и полетела вслед за Толстяком.

Тан Дахай, дойдя до спальни, увидел подлетающую черную голубку и удивился: — Ты чего приперлась, дурная птица?

Система опустила ему на голову, презрительно отвела голову в сторону и не удостоила его вниманием.

Тан Дахай, не обидевшись, усмехнулся и постучал в дверь.

В ответ тишина. Подождав немного, он толкнул дверь.

Стоило ей распахнуться, как его взору предстало лицо старухи. Она стояла прямо в дверях, в её глазах застыла смертельная пустота.

У Тан Дахая сжались зрачки, волосы на теле встали дыбом, а сердце ушло в пятки.

Старуха буравила его взглядом, и когда он, не выдержав, вскрикнул, она разлепила губы и произнесла:

— Не шуми... не шуми...

Ци Цзэ в гостиной, услышав крик Толстяка, тут же вскочил. В этот же миг окружающая обстановка резко изменилась, и свет погас.

Уютная квартира превратилась в кровавое место трагедии — даже диван, на котором он сидел, был залит пятнами загустевающей крови.

— Бежим!

Кто-то схватил Ци Цзэ за запястье, и, прежде чем он успел сообразить, его потащили прочь из комнаты.

— Подожди! Толстяк еще не...

— Сначала нужно выбраться!

Ци Цзэ оглянулся на коридор и увидел у окна в конце пути маленькую девочку в платице. Из-под её длинных волос на них смотрели глаза, следившие за тем, как они убегают.

Потрясенный появлением девочки, Ци Цзэ споткнулся о собственные ноги и полетел вперед.

У Цзин в мгновение ока подхватил его, но из-за внезапности маневра они оба рухнули на пол.

Холодный пол не причинил Ци Цзэ боли — он обнаружил, что упал на кого-то.

Ци Цзэ оказался верхом на У Цзине, упираясь руками в его грудь, и смущенно произнес: — Спасибо...

Из-за резкого движения его даосское одеяние распахнулось, обнажив белоснежную кожу и проглядывающую ключицу.

У Цзин перехватил дыхание. Его взгляд скользнул вверх, прямо на накладную бороду, которая вот-вот должна была отклеиться.

<http://bllate.org/book/22070/2295000>